

ВЛАДИСЛАВ КОНДРАТЬЕВ

Неизвестные князя Руси: ПЕРЕЯСЛАВ

О бездна богатства и премудрости и
ведения Божия! как непостижимы судьбы
Его и неисследимы пути Его!
Рим.11:33

सत्यमेव जयते

Тема данного исследования возникла почти случайно, подтвердив верность слов святого апостола Павла, сказанных в его послании к Римлянам, о непостижимости путей Господних (в тексте – непостижимы судьбы Господни, а пути – неисследимы). Казалось бы, какое отношение имеет этимология имени реки Кубани и истории Древней Руси? Да, принято говорить, что река времени всё уносит (а пески времён – всё засыпают), но как могло случиться, что именно исследование имени реки помогло восстановить забытое имя (великого?) князя Руси.

Непосредственным поводом явилось исследование двух авторов, назвавших своё сочинение “«Родословная» реки Кубани”¹. Само сочинение, которое нет нужды рассматривать подробно, оставило двойственное впечатление: с одной стороны, авторы собрали множество самых разных свидетельств, относящихся к реке и её имени, с другой – не определились, рассматривают ли они все имена реки (а их, как у мало какой другой реки, – почти бесконечное множество), или именно имя в форме *Кубань*. Авторы, при этом, умудрились “забыть” заглянуть в словарь Фасмера, где реке посвящена довольно большая и обстоятельная статья². Правда, авторы отметили, что “Фасмер настаивал на ираноязычной основе Кубани: гупана — остающаяся под покровительством богов”³, но в словаре Фасмера содержится другая информация.

Происхождение имени реки, несмотря на многочисленные попытки, не имеет общепринятого объяснения, авторы так и пояснили: “ До настоящего времени нет единого мнения о происхождении современного названия р. Кубани”⁴. А мы лишь отметим, что упомянутое М. Фасмером в его этимологическом словаре “мнение Кречмера”⁵, что имя реки в форме *Кубань* восходит к др.-инд. Kubhā [то есть कृभ् कृभ् *kubhā*. – В. К.] (Ригведа), очевидно

¹ См.: Галкин Г. А., Коровин В. И. «Родословная» реки Кубани // Кубанский краевед. Вып. 3. Краснодар, 1992.

² См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2003. Т. 2. С. 395.

³ Галкин Г. А., Коровин В. И. Цит. раб.

⁴ Там же. С.

⁵ См.: Kretschmer P. Anzeiger der Wiener Akademie der Wissenschaften. 1943. P. 39.

нуждается в уточнении: имя реки связано с др.-инд. कुभ कुभā (*kubhā*) (именем реки, в настоящее время именуемой Кабулом (у Кречмера – Кабуль⁶), но имя Кубани не может восходить к имени Кабула (в Ригведе – कुभā *kubhā*), так как, а это признано доказанным, индоарии пришли на полуостров Индостан и именно туда они принесли известные нам ныне топонимы, следовательно, хотя река Кубань и связана этимологически с др.-инд. कुभā *kubhā*, совр. Кабул (कबुल *Kabula* – город Кабул на языке хинди⁷, а река, то есть नदी *nadī*, दरिय *dariya*, सरित *sarita*⁸, будет कबुलनदी *Kabula-nadī*, то есть *Кабул-река*), но не имя реки *Кубани* восходит к имени реки *Кабул*, а наоборот, так как даже уже на полуострове Индостан индоарии переносили названия рек по мере своего передвижения с северо-запада на юго-восток: например, имя реки Инд (русское имя восходит к др.-греч. Ἰνδός от др.-перс. Hindhu(h) из санскр. सिन्धु *sindhu*), что на языке хинди имеет форму सिन्धु नदी *Sindhu-nadī*, было перенесено в бассейн реки Ганг (на хинди गंगा, *gaṅgā*), где мы видим правым притоком реки Ганг реку Синдх, то есть Инд (на хинди – सिन्धु नदी *Sindhu-nadī*).

У Кречмера относительно имени реки *Кубани* в форме Ὑπανις, известной по греческим источникам (обычно это греческое название транслитерируют в форме *Гипанис* и переводят как *Лошадь-* или *Конь-река*, *Лошадиная река*; однако Ὑπανις – отнюдь не *Гипанис*, а слово, условное чтение которого выглядит как с густым придыханием Юпанис, где густое придыхание можно заменить южнорусским фрикативным звуком “g”, то есть [h], примерно как Гюпанис, или Hūpanis, с ударением на первом слоге, слово это негреческое, то есть оно отсутствует в греческом языке, а конь/лошадь в др.-греч. языке имеет словарную форму: ἵπλος, ον, ό⁹) есть мнение, что древняя форма Ὑπανις, так же, как и *Kubhā* (कुभā *kubhā*), является др.-инд реликтом¹⁰. В статье, посвящённой этимологии имени Кубань мы эту предположение Кречмера подробно рассматриваем, полагая, что др.-греч. Ὑπανις – действительно др.-греч. транслитерация и.-а. названия.

Но рассмотрение происхождения имени реки Кубани не входит в цель данного исследования; отметим только, что река Кубань – весьма бурная и быстрая река, даже и на равнине – в отличие от Южного Буга, который, как свидетельствуют др.-греч. источники, тоже имел имя Ὑπανις, но не *Kubhā* (कुभā *kubhā*), а др.-инд. языки дают нам слово *kubhanyūṣ* в значении *крутящийся в танце*¹¹. Нам лишь важно было показать, какие трудности поджидают исследователей на пути к истине. Вот и в данном случае нужно отметить такой пассаж авторов исследования «родословной» реки Кубани: ««Феминизация» конечных согласных, вызванная стремлением сохранить мягкость всего слова, является характерной чертой индоевропейских языков

⁶ См.: Фасмер М. Цит. раб. Т. 2. С. 395.

⁷ См.: Ульциферов О. Г. Современный русско-хинди словарь. М., 2004. С. 1167.

⁸ См.: Там же. С. 897.

⁹ См.: Русско-греческий словарь // Соболевский С. И. Древнегреческий язык. М., 2003. С. 535.

¹⁰ См.: Фасмер М. Цит. раб. Т. 2. С. 395.

¹¹ См.: Там же.

(вспомним превращение «мужского» гидронима Чигир в Чигирь, Эртил – в Эртиль, Потудон – в Потудань, Кубан – в Кубань)¹². Дело в том, что река Кубань сначала имела имя *Кубан(ъ)*, а потом произошла с ним метаморфоза и появилось имя в форме *Кубань*.

Нам неизвестно, о каких индоевропейских языках, в какой период идёт речь в статье о «родословной» реки Кубань, но очевидно, что в таком виде фраза не имеет конкретного смысла. Вполне возможно, хотя и очень сомнительно, что реки Потудань, Эртиль, Чигирь – это, действительно, реки-трансвеститы, а то и транссексуалы, но о Кубани это точно не скажешь. Более того, чтобы что-либо утверждать, нужно привести все возможные варианты объяснения явления и доказательства невозможности существования иной, нежели приводимая тобой, точки зрения. Не приведя доказательств относительно того, о каких языках, за какой период идёт речь и не приведя иных точек зрения, объясняющих появления мягкого знака в конце указанных названий, авторы заявили утверждение, которое никак не может быть принято.

Так, например, старославянский язык – язык индоевропейский, здесь мы находим такие слова: *рѣть* (совр. *путь*), *огнь* (совр. *огонь*), *звѣгь* (совр. *зверь*), – то есть мы видим, что эти слова оканчиваются на мягкий согласный, что, по мысли Галкина и Коровина, является результатом «феминизации», то есть это, по их мнению, слова женского рода (превратившиеся из слов мужского рода: *пут, огон, звер*). Тем не менее, эти слова как были словами мужского рода (не только в старославянском, но и общеславянском языке), так ими и остались в современном русском языке¹³. Или русский язык, со всеми славянскими языками впридачу, не индоевропейский, или утверждение Галкина и Коровина, что, якобы, ««феминизация» конечных согласных, вызванная стремлением сохранить мягкость всего слова, является характерной чертой индоевропейских языков...», всего лишь ни на чём не основанное, филологически неграмотное заявление.

Действительно, с помощью суффикса *-ї (-ь)* образовывались слова и мужского, и женского, и среднего рода, например: *choť* (хоть, то есть *желание*), *копь* (конь, то есть *начало*; *iskoni*)¹⁴.

Имена с суффиксальным *-ї (-ь)* служат для названий конкретных предметов (*soľ, рѣть* и др.), а также для названий действий, явлений (*вѣдь*, старославянское *вѣдь* *знание*, горячо любимое многими современниками слово *владь*, то есть... *заблуждение*)¹⁵.

Но *-ї (-ь)* может быть и самостоятельным суффиксом, и частью другого, сложносоставного, суффикса, так что рассмотрение слов, просто оканчивающихся на мягкий согласный, без рассмотрения слова в целом (для определения того, какой именно суффикс/суффиксальную группу мы имеем в каждом конкретном слове) просто не имеет смысла. Это верно для всех,

¹² Галкин Г. А., Коровин В. И. Цит. раб. С.

¹³ См.: Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952. С. 56.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Там же.

приведённых авторами «родословной» слов: Чигирь, Эртиль, Потудань, Кубань...

Можно отметить, например, что суффикс -ї (-ь) служил для субстантивизации прилагательных: прилаг. tvьrdь – в сущ. tvьrdь (то есть твердь, где твердь – это существительное от твердо в значении *твёрдый*, а не «феминизированный» вариант маскулинизированного слова), прилаг. studenь – в сущ. studenь в значении *холод*, и др.¹⁶.

Некоторые существительные с этим суффиксом (-ь) получили коллективное значение: љедь в значении *народ*, дѣть в значении *дети*, vetoшь в значении *ветошь*, тряпьѣ, *res antique*, русь в значении *народ*, страна русских¹⁷. Отметим в скобках, что данные факты языка крайне неохотно рассматривают так называемые норманисты, баснословащие, что этноним *русь* – неславянское по происхождению образование, так как оно, якобы, нехарактерно для славянского имятворчества. Факты языка, приводимые А. М. Селищевым, убедительно опровергают голословные утверждения норманистов.

Далее, рассматриваемый нами суффикс, в составе с -j, то есть -jь, так же давал слова мужского рода, например, коп'ь, то есть *конь*, пожь, то есть *нож*, struji (-i вместо -jь), то есть *стрый* – *дядя по отцу*¹⁸.

В отношении к лицам имена с суффиксом -jь указывали на их деятельность: дѣи ((-i вместо -jь) – ст.-слав. **зълодѣи**; storg-jь, далее storžь, ст.-слав. **стражь**, др.-русск. сторож(ь), vod-jь, **вождь**, др.-русск. **вожь**¹⁹.

Суффикс -ь, рассматриваемый нами, в составе суффикса -ьсь служил для образования слов **мужского** рода от прилагательных со значением носителей качеств или свойств, на которые указывало прилагательное, от которого данное имя существительное было образовано: slěrьсь (slěrь), starьсь (starь), љьньсь (љьнь), мьртвьсь (мьртвь)²⁰...

Суффикс -ь, рассматриваемый нами в составе суффикса -ись, служил для образования слов **мужского** рода, но со значением уменьшительным: ст.-слав. **кораблиць**, **корабиць** в значении *небольшое судно* [правильнее – *кораблик*. – В. К.], **агниць** (при имени с другим суффиксом: **агньць**), **Растиць** – имя моравского князя Рагислава, – слова из сербских памятников: **чловѣчиць** [то есть: *человечек*. – В. К.], **Тодориць**, **Оурошиць**²¹.

Суффикс -єсь служил для обозначения таких слов **мужского** рода: zajєсь, то есть *заяц*, тѣсєсь, то есть *месяц*²².

Суффикс -сь из -k-j служил для образования имён мужского рода со значением орудий действия: bi-сь, bгi-сь, то есть *бритвенный* (нож)²³.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Там же. С. 57.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ См.: Там же. С. 58.

²⁰ См.: Там же. С. 61.

²¹ См.: Там же.

²² См.: Там же. С. 62.

²³ См.: Там же.

Сложносоставной суффикс -а-сь (из -а-кјо) служил для образования имён, обозначающих лица по их деятельности, а также имен лиц предметов по их выдающимся признакам: *igr-a-сь*, *ot-a-сь*, *kov-a-сь*, *voda-сь*, ст.-слав. **копачь**, *borda-сь* – чешск. *bradáč*, русск. бородач; ст.-слав. **врачь** (корень *ver-* в значении *бормотать*) и т. п.²⁴. Ср.: **врачь** (из *vrag-j-ǫ-s), **лѣжь** (то есть *лжец* из *lǣg-j-ǫ-s, от **лѣг-ати**), **конъ** (то есть *конь* из *kǫn-j-ǫ-s) – всё это слова мужского рода с тематическим *ǫ в основе²⁵.

Да и само слово муж в славянских языках оканчивалось на мягкий согласный звук, представлявший собой суффиксальную группу -жь из -g-jǫ: *mǫžь*²⁶.

Имя реки Кубани заканчивается на -нь; в старославянском же мы имеем суффиксы, произошедшие из общеславянских суффиксов -нь, -спь, -знь, которые служили для образования слов женского рода, но... Они служили для образования имён женского рода с корнями глагольного происхождения: *danь*, *dol-нь*, русск. долонь, ладонь, *bornь*: южн.-слав. *branь* в значении *война*, *сѣнь*, *kazнь*; *basнь* (*ba-*, *bajati*); *pēsнь* (*pēs-ti*); *žizнь* (*ži-ti*); *kozнь* – *кознь* (къ в чередовании с *ku-*, *kov-*: *kujǫ*, *kovati*); *prijazнь* (*prija-ti* в значении *помогать*)²⁷, – но вряд ли кто станет утверждать, что **Кубань** – это отглагольное существительное (от глагола *кубан*).

Казалось бы, есть слово женского рода, оканчивающиеся на -нь: например, *gortanь*, – но слова: *grebenь*, *jesenь*²⁸, – мужского рода. Слово *sežen'ь*, др.-русс. *сажень*, с суффиксальной группой -ьп'ь, – женского рода, но *sovežьп'ь* в значении *пленник*, как и слово *studen'ь* (в значении *декабрь*)²⁹ – мужского рода. Слово князь – это отнюдь не «феминизированный» вариант слова княз(ь), от него (*кьпѣгь > кьпѣдзь*) самого образовано слово женского рода – *кьпѣгун'и*³⁰, то есть *княгиня*.

Для целей нашего исследования имеет громадное значение суффикс -j-, который в суффиксальной группе (-jǫ-, -ja-) служил для образования прилагательных с притяжательным значением: *suǐ* в значении *напрасный*, *ove-сь* – *овечий*, *ote-сь* – *отчий*, при *oteńь*, ст.-слав. **человечь**, **говяждь** в значении *говяжий*, **добл'ь** в значении *мужественный*, *храбрый*³¹.

В славянских языках, по образцу этих древних прилагательных притяжательных с суффиксом -jь возникли подобные прилагательные и позднее – прилагательные от новых слов³².

Таким образом, утверждение, что мягкий согласный в конце слова свидетельствовал о, якобы, существующей закономерности «феминизации» конечных согласных, вызванной стремлением сохранить мягкость всего

²⁴ См.: Там же. С. 63.

²⁵ См.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974. С. 197.

²⁶ См.: Селищев А. М. Цит. раб. Ч. 2. С. 63.

²⁷ См.: Там же. С. 64; см. также: Там же. С. 75.

²⁸ См.: Там же. С. 65.

²⁹ См.: Там же. С. 67.

³⁰ См.: Там же.

³¹ См.: Там же. С. 77 – 78.

³² См.: Там же. С. 78.

слова, которая, якобы, является характерной чертой индоевропейских языков, представляется абсолютно голословным (бездоказательным, попросту бессмысленным). Следовательно, река Кубань, которая имела ранее форму Кубан в названии – это не река, сменившая, якобы, мужской род на женский (река-трансвестит, или транссексуал), а **Кубань** – название, образованное от формы **Кубан** с помощью суффикса притяжательного (-жь), то есть **Кубань** – это **Кубанский**, до **Кубана** относящийся. О слове *кубан*, использованном в названии реки, мы подробно поговорим в статье о происхождении имени реки Кубани.

Мягкий согласный в конце слова может означать много что, в частности, свидетельствовать о том, что перед нами слово, образованное с помощью суффикса притяжания.

И вот здесь самое время напомнить о существовании русского города с именем Владимирь. Но напрасно мы станем искать город с таким именем на современной карте. А, тем не менее, такой город есть, он, даже, является областным центром. Город есть, но на карте его не найти?

Город, о котором идёт речь – это город Владимир, областной центр Владимирской области. И именно так, с мягким гласным в конце имени, этот город и был известен с древних времён. Но с течением времени его название изменилось на современное, с твёрдым звуком на конце слова. Это что же, город-женщина Владимирь сменил гендерный пол и стал городом-мужчиной Владимиром?

Очевидно, что здесь требуется пояснение. Русский образованный человек знает трёх князей с именем Владимир из истории Древней Руси: Великий князь Киевский Владимир (Святославович) Святой (Креститель Руси) Равноапостольный; Великий князь Киевский Владимир (Всеволодович) по прозвищу Мономах и Великий князь Киевский Владимир Красно Солнышко. Первые два – летописные, реальные исторические персонажи.

С третьим князем дела обстоят сложнее: некоторые наши современники считают летописным князем также и его, хотя в летописях нет такого персонажа; иногда полагают, что именно Владимира Крестителя летописи называют Красным Солнышком, приписывая при этом крестительство ещё и Владимиру Мономаху... Тем не менее, Владимир Красно Солнышко – не летописный, а былинный персонаж. Принято считать, что он – сумма двух других: Владимира Святославовича и Владимира Всеволодовича. Князю Владимиру Красно Солнышко мы намерены посвятить отдельное исследование.

Само имя – Владимир – известно в двух вариантах: древнерусском полногласном варианте Володимѣрь (именно от этой формы существует современная уменьшительная форма *Володя*) и старославянском (> церковнославянском) – Владимѣрь (**Владимѣрь**).

Один из этих двух реальных Великих князей Киевских заложил город, названный в его честь городом Владимира (Володимѣра, Владимѣра), точнее

– *Владимирский* город. И этот город имел имя в форме Володимѣрь³³. Город, как принято считать, был заложен в 1120 году Великим князем Киевским Владимиром (Володимѣромъ) Всеволодовичем (Мономахом; не Святым, не Равноапостольным, не Крестителем, не Красным Солнышком), хотя до времени М. В. Ломоносова господствовало мнение, что город был заложен Великим князем Киевским Владимиром (Володимѣромъ) Святославовичем (Святым, Равноапостольным, Крестителем, но всё равно не Красным Солнышком).

Хорошо известно, что топонимы с суффиксом -јь- являются наиболее древними типами имён, характерными для названий славянских городов. Однако, со временем, продуктивность суффикса (точнее – суффиксальной группы) -јь- для образования притяжений в русском языке пошла на убыль и из названий городов эта суффиксальная группа стала выпадать. Выпала она и из названия города: город Володимѣрь стал называться Володимѣрь, а потом название города сначала по звучанию, а затем и по написанию совпало с личным именем – *Владимир*.

Очевидно, что процесс этот занял много веков, так как ещё на рубеже XVIII – XIX вв. речное имя *Кубань* могло возникнуть из формы *Кубан(ь)*, однако современными исследователями такая трансформация имени стала восприниматься не как форма притяжения, а, так сказать, смена пола.

С Великим князем Киевским Владимиром и его городом Владимирем/Владимиром, можно сказать, в этом смысле всё ясно.

И здесь самое время вспомнить про то, на что мы обратили внимание ранее (упомянули выше): в славянских языках с суффиксом -јь возникали притяжательные прилагательные – от новых слов³⁴. А. М. Селищев приводит такие примеры из ст.-слав.: *авраамл'ь, ніаковл'ь (нѣковл'ь)*³⁵.

Таким образом, как нетрудно догадаться, было образовано название города, основанного Великим князем Киевским Ярославом Владимировичем в период его ростовского княжения, то есть 988 – 1010 гг., (сыном Владимира Святославовича и дедом Великого князя Киевского Владимира Всеволодовича, по прозвищу Мономах): Ярославль – то есть город Ярослава (или, точнее, Ярославский город). Имя Великого князя Киевского выглядело как *ІАрославъ*, а название города – *ІАрославль*.

Продолжая этот ряд, мы можем вспомнить город в современном Центральном округе России, представляющем собой административный центр Рославльского района Смоленской области. Этот город носит имя Рославль (с ударением на первом слоге). Историческая наука говорит нам, что данный город был основан, приблизительно, в 1137 г. как один из опорных центров княжеской власти на землях, отвоёванных у радимичей. Основоположителем города явился князь Ростислав Мстиславич (род. около

³³ См.: Фасмер М. Цит. раб. Т. 1. С. 326.

³⁴ См.: Селищев А. М. Цит. раб. Ч. 2. С. 78.

³⁵ См.: Там же.

1108 г., умер 14 марта 1167 г.; князь Смоленский в 1127 – 1167 гг.³⁶; князь Новгородский в 1154 г.; Великий князь Киевский в 1154 – 1155 гг., 1159 – 1161 гг., 1161 – 1167 гг. – сын великого князя Киевского Мстислава и внук Владимира Всеволодовича Мономаха; прославлен в лике святых Русской Православной Церковью как благоверный князь). Естественно, что город Ростислава получил имя Ростиславль. Своё современное название – Рославль – город Ростиславль получил в 1755 году.

Итак, мы имеем пары названий: Володимѣрь (**Володимѣрь**) – город, Волдимѣрь (**Володимѣрь**) – князь; Ярославль (**Ярославль**) – город, Ярославъ (**Ярославъ**) – князь; Ростиславль (совр. Рославль) – город, Ростиславъ – князь; Переяславль (**Переяславль**) – город (современный Переяслав-Хмельницкий; а также и современный город Рязань – в Рязань в 1778 году был переименован город Переяславль-Рязанский), Переяславъ (**Переяславъ**) – князь...

И вот здесь нас поджидает главная неожиданность. Состоит она в следующем. Как бы мы ни читали русские летописи, нам не удастся узнать ни грана о князе Древней Руси по имени *Переяславъ*.

Более того, с городом по имени Переяславль (современный Переяслав-Хмельницкий) тоже не всё в порядке: дело в том, что древность русских городов определяется по первому упоминанию его в летописи. То есть, город мог существовать достаточно долгое время, но если у нас нет летописи, где бы он был упомянут, то города, для исторической науки, не существует. С Переяславом дело обстоит ещё нелепее: город упомянут под 907-ым годом в договоре Олега с греками, но считается, что основан он не в 907-ом году, когда он уже существовал и был упомянут в летописи, где и содержится текст договора, а в 992-ом году Великим князем Киевским Владимиром Святославовичем у брода через реку Трубеж, где его войско одержало победу над печенегами...

Итак, в Договоре Руси с греками (даётся по Повести временных лет, в переводе А. Г. Кузьмина, по Лаврентьевской летописи, содержащей в себе Повесть временных лет и её продолжение – суздальскую летопись до 1305 г. включительно) говорится: “В лето 6415 (907 [в тесте издания ошибочно стоит 911-й год. – В. К.]). Пошёл Олег на греков, оставив Игоря в Киеве. <...> И приказал Олег дать воинам его на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем выдать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и прочих городов, ибо по этим городам сидели великие князья, подвластные Олегу”³⁷.

Мы видим, что город Переяславль в 907-ом году уже существовал, занимал третье место (после Киева и Чернигова) в числе самых значимых городов Русского государства, в нём правил неизвестный нам Великий князь,

³⁶ См.: Рудаков В. Е. Смоленская земля // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЕ): в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890 – 1907.

³⁷ Повесть временных лет. М., 2004. С. 74.

подвластный Олегу. Однако существование города в 907-м году берётся под сомнение на основании анекдота, содержащегося в ПВЛ.

Так, в ПВЛ содержится анекдотическая, по сути, история: “В лето 6500 (992). Пошёл Владимир на хорватов. Когда же он вернулся с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне от Сулы. Владимир выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль”³⁸. Далее повествуется, что Владимир, не желая, очевидно, губить войско, предложил печенежскому предводителю решить дело поединком русского и печенежского бойцов.

Предводитель печенегов согласился и выставил бойца, но у Владимира, предложившего такой поединок, отчего-то такого бойца-храбреца не случилось. Казалось бы, по правилам, если боец не явился на поединок, то ему засчитывается поражение, но нет, печенеги согласились ждать. Однако храбреца всё равно не сыскалось и на следующий день. Слава Богу, нашёлся невесть откуда взявшийся старик, похваставшийся младшим из пятерых сыновей. Оказалось, что этот младшенький – в семье сильнейший, разозлившись, невзначай, он мог руками разорвать воловью кожу, но именно его-то, по малолетству, на войну и не взяли. И если бы не форс-мажорные обстоятельства, то про феноменального силача и не вспомнили бы.

Делать нечего, послали за младшим кожемякой. Печенеги продолжили терпеливо ждать. Прибыл, наконец-то, кожемяка. Но и он не пошёл на поединок, а потребовал, чтобы его сначала проверили на силу и удаль. Как будто он и так не знал о своих способностях, или подозревал, что старику-отцу не поверили на слово. Пришлось ярить быка, выпускать его на юного кожемяку; бык помчался, но не на силача, а мимо. Кожемяка схватил быка, да не за рога, а за бок и вырвал кожу вместе с мясом. Зелёных, что и понятно, на ту пору в русском стане не случилось, а потому юнца признали годным для допуска к поединку. О судьбе быка ничего не сообщается, так что фразу: “При составлении летописи ни одно животное не пострадало”, – поставить не удастся при современных её переизданиях.

Вышел молодой силач против громадного страшного печенежина, задушил его в борьбе (задавил насмерть) и бросил оземь: “Раздался крик и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял [в Лаврентьевской летописи – переяль. – В. К.] славу отрок тот”³⁹.

Итак, в 992 г. Владимир основывает город Переяславль, который указан третьим по значимости из городов Руси уже в договоре Олега с греками 907-го года. Можно данную несуразицу попытаться объяснить тем, что в 907 г. Олег брал дань не на Переяславль (Переяславль-Русский, ныне город Переяслав-Хмельницкий, получивший имя в такой форме в 1943 г. в честь Богдана Хмельницкого и Переяславской Рады 1654 года), а

³⁸ Там же. С. 143.

³⁹ Там же. С. 144.

Переяславль-Залесский, который тоже стоит на реке с именем Трубеж, но этот город, как принято считать доказанным, был основан в 1152 г. Юрием Долгоруким и назван Переяславлем в честь Переяславля-Русского (упомянутого в 907 г. в Договоре Олега с греками и основанного в 992 г. Владимиром Святославовичем).

Кроме того, современный город Рязань – это не историческая Рязань, разрушенная во время Батыева нашествия и так никогда больше и не возродившаяся, а город Переяславль-Рязанский (называвшийся так до 1778 г.), который тоже стоит на реке с именем Трубеж (вернее – на высоком берегу Оки при впадении в неё реки Трубеж).

Словом, составитель летописи, или переписчик, по любимой историками отговорке, мог что-то перепутать, а там уж и пошло-поехало.

Однако, данные рассуждения никак не могут быть приняты к рассмотрению. История, рассказанная в ПВЛ о возникновении города Переяславля (современный Переяслав-Хмельницкий) как результат того, что кто-то у кого-то, якобы, “перейал славу”, а потому и название у города такое – Переяславль – совершенно ненаучно. Переяславль – это не “город, где кто-то у кого-то перейал славу”, а это “город Переяслава (Переяславский город)”, где Переяслав (что бы это имя ни означало и как бы оно ни произошло) – это личное имя и уж никак не какого-то безвестного, до поединка с печенегом, силача-кожемяки, пусть бы его и его отца Владимир и сделал мужами великими.

Данный топоним: Переяславль (**Переіаславль**) типологически аналогичен топонимам: Ярославль (**ІАрославль**), где Ярославль – город (князя) по имени Ярослав (**ІАрославъ**) и Ростиславль (совр. Рославль), где Ростиславль (совр. Рославль) – город князя по имени Ростиславъ, следовательно, Переяславль – это город (князя) по имени Переяслав (**Переіаславъ**).

Князь Переяслав (**Переіаславъ**), как мы видим, значительный персонаж древней истории Русского государства. Но мы о нём не просто ничего не знаем, нам вообще неизвестен князь с таким именем, а ведь он – фигура, равнозначная фигурам Владимира Святославовича (Святого, Равноапостольного), Ярослава Владимировича (основавшего город своего имени – Ярославль) и Владимира Всеволодовича (Мономаха), основавшего город своего имени – Владимир (Володимѣрь) и святого благоверного князя Ростислава Мстиславовича (основавшего город своего имени – Ростиславль/Рославль).

Но самое удивительное это то, что проблема князя Переяслава исторической наукой не только не решена, но даже и не поставлена. Историки или обходят её стороной, или предпочитают повторять филологически ущербную историю про “перейание славы”. И в литературе это особенно заметно: о городах Владимире, Ярославле и Ростиславле (Рославле) правильно указывается, что их названия – притяжения от личных имён

князей-основателей, а про город Переяславль повторяется пересказ анекдотической истории про удальца, что у печенега “перял славу”.

Какие же выводы можно сделать из факта того, что данные топонимики (Переяславль/ **Переіаславль** – это город князя по имени **Переіаславъ** Переяслав/) свидетельствуют о существовании в Русском государстве в его древний период князя Переяслава, а в летописях нет о том ни слова, ни намёка?

1. Первый вывод, причём без привязки к данной проблеме, уже сделан, за пределами исторического мира, – академиком математики. Этот вывод решительно осуждён как галлюцинации на мотивы русской истории⁴⁰. Суть его состоит в том, что Повесть временных лет – это сочинение, известное как Кёнигсбергская летопись (историки предпочитают называть её то Радзивилловской, то Радзивилловской), которое было сфабриковано некими “учёными немцами” в городе Кёнигсберге и преподнесено царю Петру Первому. С этого списка, по мнению академика математики, впоследствии и были изготовлены все другие русские летописи. Историки, как отмечено выше, данное построение относят к “галлюцинациям” академика математики.

Тот факт, что автор (составитель) летописи не знал русский язык в достаточной степени, позволив себе привести явно недостоверные сведения о том, что означает название Переяславль, может свидетельствовать в пользу предположения академика математики, хотя однозначный вывод в таком смысле сделать нельзя.

2. Второй вывод: история, рассказанная в летописи о возникновении Переяславля в 992 г., проникла в летопись значительно позже того времени, когда была составлена сама летопись – тогда, когда притяжательные конструкции, с помощью которых образованы имена городов: Владимира, Ярославля, Переяславля, – потеряли в русском языке продуктивность, смысл их забылся, что и дало автору истории о происхождении города и его названия вписать в летопись этот анекдот.
3. Третий вывод: автор летописи был невежественным человеком, не понимал то, что пишет, а потому и наводнил свой труд подобными анекдотами, суть которых – вульгарная (псевдонаучная) этимология непонятных, для такого неграмотного автора, названий русских городов.

---

⁴⁰ См.: Милов Л. В. К вопросу о подлинности Радзивилловской летописи // “Так оно и оказалось!” Критика “Новой хронологии” А. Т. Фоменко (Ответ по существу). М., 2001. С.

4. Четвертый вывод: наши представления о том, когда была написана рассматриваемая нами летопись, в целом, верны, автор прекрасно понимал, что вписывает в летопись недостоверные сведения, что читатель всё поймёт правильно.

А это означает, что он намеренно вымарал сведения о русском князе Переяславе, приписав создание города его имени другому князю – Владимиру Святославовичу и цинично вписав вопиюще неграмотное объяснение происхождения названия города Ярославля. Следовательно, автор летописи выполнял политический заказ, при этом совершенно не боялся быть схваченным за руку. Очевидно, что автор рассказа не просто вымарал князя Переяслава из Русской истории, но сделал это нарочито, с явным неуважением, приведя анекдот, которым затушевывал подлинную информацию. Глумление над памятью вычеркнутого из нашей истории Переяслава, в таком случае, носит нарочито циничный характер.

Нам представляется, что четвёртый вариант – правильный, автор знал, что Переяславль означает отнюдь не “(кто-то у кого-то) переял славу”, а “(город) Переяслава; (город князя по имени) Переяслав”.

Но в этом случае стоит поставить задачу: определить, что это за князь, почему его имя и его деяния были вытравлены из нашей истории, кем, когда и по приказу кого это было сделано. Думается, что и сам князь, и наша история, и мы заслуживаем это.

© 17.07.2016 Владислав Кондратьев

© Copyright: Владислав Кондратьев

© Copyright: [Владислав Олегович Кондратьев](#), 2016

Свидетельство о публикации №216071701569

© Copyright: [Владислав Олегович Кондратьев](#), 2016

Свидетельство о публикации №116071707415